

онъ рѣшительно во всемъ сознается, — что онъ такъ именно вѣруетъ и мыслить, и тѣмъ подтверждаетъ безусловную справедливость постановленія.

Съ удивительнымъ для просвѣщеннаго графа цинизмомъ и легкомысліемъ, какъ не выражаются и мужики-сектанты, разсуждаетъ гр. Толстой о молитвословіяхъ нашего требника, обрядахъ и таинствахъ, которыми Церковь, какъ любящая мать, сопровождаетъ всю нашу жизнь, — называя все это ни болѣе, ни менѣе, какъ колдовствомъ. Нужно-ли возражать, когда всякій простолюдинъ знаетъ, что молитва и колдовство — два дѣла разныхъ, — одно есть служеніе Богу, другое совершается во имя и силою діавола, отца лжи.

Толстой въ требникѣ нашелъ тысячи заклинаній, а на самомъ дѣлѣ тамъ только и есть одно заклинаніе противъ „духа нечиста“ (діавола). Плохо же читалъ и понималъ Левъ Николаевичъ требникъ . . .

Тѣло наше — храмъ Бога живаго, а по Толстому, оно ненужная, противная вещь (дрянь) . . . Здѣсь также споръ излишенъ. Но нельзя обойти безъ замѣчанія того жал-